

Олег ТАБАКОВ: ПОРА БЫ УЖ РОДИТЬСЯ АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ!

Об открытии сезона и сборе труппы в МХТ мы уже писали (см. «Вечерку» за 3 сентября). А в понедельник Олег Павлович Табачков проводил сбор другой возглавляемой им знаменитой труппы — своего Театра-студии, именуемого в народе просто «Табакеркой». Имея в своем распоряжении запись выступления и ответы Олега Табачкова на вопросы журналистов, в том числе и нашей газеты, мы сочли, что они будут небезынтересны всем, кто любит театр

«В свой юбилей я сыграю семь спектаклей в семь дней»

— Олег Павлович, кто вас в последнее время радует?

— Много кто. Порадовался в конце сезона Семчеву. Радовался Наташе Рогожкиной, Мише Пореченкову. Очень важно, когда актер поворачивается к зрителю своими неизведанными сторонами: «О-о, не думали, что она или он могут так!» Это выше моего собственного успеха. Жена радуется. Сыновья: и старший, и младший. Младший сейчас работает в школе учеником. Старший — по-прежнему олигархом ресторанного бизнеса. Время от времени, накопив денег, иду к нему есть. Вот и Тадаши Сузуки (знаменитый японский режиссер, он будет ставить в МХТ «Короля Лира»). — **Ред.** поведу туда со всеми его ассистентами.

— Младший Павлик не снимается в кино?

— Нет, он порядочный человек пока. Учится в третьем классе, осваивает культуру предыдущих поколений. Много читает. И не только «Пес алый» и «Том Сойер и Гекльберри Финн». Наиболее читающая страна в мире какая? Россия. Вот он один из этой страны.

— Почему на постановку «Короля Лира» вы пригласили азиатского режиссера?

— Мне вообще больше нравится смотреть на Восток. Я не то, что бы русофил-хомяковец, но мне все-таки гораздо важнее, что думают обо мне в Саратове, Самаре, Саранске, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, нежели в Эдинбурге и в других «бургах». Я так устроен.

— А вы не собираетесь ехать в Японию с ответным визитом, со спектаклями МХТ?

— Нет, у меня совсем другая логика событий. Если уж ехать, нужно представлять репертуарную тенденцию театра, а это в

моем понимании обязательно связано с межгосударственным соглашением. Хотя совсем недавно мне пришлось быть в Японии со спектаклем подвального театра (Театр-студия п/р О. Табачкова, или «Табакерка»). — **Ред.** «На дне». И должен вам сказать, что и там, в далекой Японии, когда выходишь на сцену, тебя встречают аплодисментами, что, конечно, свидетельствует о большом количестве подсадных, но и не только об этом.

— А у Сузуки существует свой метод?

— Мне это интересно априори. Как возможность поставить под сомнение собственное совершенство. В Московском Художественном театре это делалось неоднократно. Звали Гордона Крэга и других — казалось бы, они опровергали эстетику театра. Однако дело от этого никак не хуже идет, а иногда даже лучше.

— Какая премьера будет первой?

— Наверное, Салтыков-Щедрин. А потом уже «Лес». У нас выйдет и «Синяя птица», что я считаю очень важным событием. Все будет новым. Это совершенно никакого отношения к прошлому спектаклю иметь не будет. Отчасти это моя идея, потому что я так или иначе бродил вокруг этого, брался за «Конька-Горбунка», «Пинокио». Но он не для детей делается. Это прекрасная и, я бы сказал, трагическая история.

— В каких спектаклях выйдете на сцену вы?

— Наверное, в «Школе злословия». Естественно, в «Тартюфе». В спектакле о войне к юбилею. И на халтуру пойду в кино.

— А спектакль о женах Моцарта и Сальери кто ставить будет?

— Питерский режиссер Виктор Крамер. Играть, наверное, будут Дюся Германова и Ольга Барнет или Людмила Максакова.

— Почему все-таки из названия театра исчезло слово «академический»?

— Мне кажется, оно не нужно. А бренд остается. Бренд — это ведь не сочетание букв, а сочетание таланта. Это такой социалистический атакизм, когда надо было награждать, выделять, отделять. Ну причем тут академия? Театр — такая же это академия?! Театр — это живое. Академия это что-то прямо противоположное, угрюмое сразу наличествует. И в этом шаге нет никакого вызова, эпатажа. Сочетание МХТ хорошее, первоисточник, да и отцы-основатели так это задумывали. А уж на что мы будем претендовать... Что заслужим — то и будем иметь.

— Вы уже думали, как через год отметите свой юбилей?

— Страна будет отмечать этот праздник (смеется). И я тоже, конечно, буду колебаться с генеральной линией партии... В юбилей сыграю семь спектаклей в семь дней. А потом еще один вечер будет — если ребята придумают что-нибудь смешное, совсем опровергающее, то еще сыграю. Отыграю семь спектаклей в Саратове, где я родился, и два — в Саранске, потому что я на одну четверть мордвин — хочется все-таки воздать.

— Основные задачи на этот сезон?

— Формирование труппы, которое продолжится и в 2006 году. А вот после 2006 года — может, это кому-то и не понравится — надо будет думать, кому передать... Надеюсь, за это время мы кое-что успеем. В техническом перевооружении мы определенного уровня достигли и еще достигнем.

...А вообще самое удивительное, что я узнал в своем возрасте, хотя знал и раньше, — это логика действия Владимира Ивановича Немировича-Данченко: «На нас жизнь не кончается». Когда я думаю о своих уче-

никах, я твердо понимаю, что русская театральная школа будет существовать дальше. Надеюсь открыть школу для одаренных российских детей. Она, наверное, и будет реализацией этой мечты Немировича: школа — студия — театр. По сути дела, это усилия, которые направлены на более тщательный отбор. И чем раньше, тем лучше. Актерский труд из тех занятий, когда ранняя профориентация дает человеку большой ресурс. Женька Миронов в 19 лет начал играть главные роли. Оно не прошло бесследно. И для Сережи Безрукова тоже.

— На ваш взгляд, все вопросы с труппой решены? Вы довольны ею? Ведь, кажется, труппа уже очень хороша...

— Четыре года назад вообще беда была. И не вполне еще все беды разрешимы. На это нужно время. Но ведь и неожиданные вещи бывают. Кто из критиков думал, что Семчев так сыграет в «Белой гвардии»? А это ведь моя идея! Это знание. А знание не требует времени. И еще нужны роли на вырост. И когда это удастся — это самое главное. Я просто помню, как в лучшие годы «Современника» у Олега Ефремова это свойство было. Почему он угадал, что Женька Евстигнеев должен играть Усова в «Традиционном сборе»? Нужно потолок отодвинуть, чтобы рост продолжался.

— Не сольются ли в конечном итоге МХТ и «Табакерка»?

— Нет, это две независимые организации. Для театра на улице Чапыгина строится здание. Олег Николаевич Ефремов первый раз предложил объединиться еще лет десять назад... Я пришел во двор на Чапыгина и сказал артистам: «Мы спасем театр, сольемся», а они выслушали и... стали тараканов на полу искать. И долго, долго молчали. Я понял — нет, не прошло. Они сейчас в хорошей форме, о

чем говорят и последние спектакли «Когда она умирала», «Солдатики». Они движутся.

— А что вы скажете о тех молодых режиссерах, которые у вас ставят?

— Там ансамбль один — талант. Нет ни одного из этой команды, из пяти имен, к которому это слово было бы неприменимо. Я очень надеюсь, что зрителям и критике понравится бутусовский спектакль «Воскресение. Супер». Правда, это спектакль «Табакерки». Но идти он будет здесь. Ох, какой серьезный! А режиссерам со мной делить нечего. Они это понимают. В моем решении не заниматься здесь режиссурой есть очень большой хитроумный ресурс. Я никак не заинтересован в том, что бы хоть малую часть их достижений приписать себе. Разве что выбираю репертуар. А всё остальное делают они. И они, как зверьки, понимают меру доброжелательности. Ну, с чего бы Чернякову, который нарасхват, делать два спектакля в этом театре? Я как пример привожу.

«Старайтесь радоваться чужим успехам!»

В театр-студию на улице Чапыгина Олег Павлович пришел совсем в ином настроении. Предложил отдать дань памяти погибшим в Беслане. Говорил очень пронзительно и жестко. На сборе труппы «Табакерки» присутствовали практически все, не исключая звезд: и Сергей Безруков, и Андрей Смоляков, и Марина Зудина, и Виталий Егоров, Наталья Дмитриевна Журавлева, Евдокия Германова с сыном... Театр открывает свой 19-й сезон.

— Я должен сказать, что стабильность — это самое серьезное испытание — и для человека, и для театра. И нам с вами не надо обманываться. Постоянный спрос на 110 мест ни о чем не говорит. Совсем уж дураком надо быть, чтобы не заполнить этот зал.

Нужна требовательность к себе, пересмотр себя: «Где же мы уже подобрались к канонизации собственных штампов?» На мой взгляд, это сегодня, может быть, самая серьезная проблема.

Все-таки человек как был, так и есть носитель главной художественной и нравственной тайны.

А вообще жизнь — самый главный подарок, который природа дает человеку. В мои 69 лет я не исчерпал своего интереса к жизни. Если это есть, обостряется восприятие простых вещей.

Своим чередом идут у нас звания и награды (золотыми и серебряными знаками были награждены все, кто работает более 10 лет. — **Ред.**). Наверное, все-таки стоит порадоваться, что у нас в подвале появились народные артисты, не так одиноко мне будет — уже коллектив народных артистов! Это и Женья Миронов, и Миша Хомяков, и Андрей Смоляков. Пользуясь своими связями, о которых неоднократно предупреждали представители службы пера, я продолжаю поспешествовать награждению себя самого и своих товарищей.

— Вы много говорите о современной литературе. Что в этом направлении предлагаете сделать в «подвале»?

— Я веду долгосрочные разговоры с драматургом Юрием Арабовым (сценарист фильмов Александра Сокурова. — **Ред.**). Мне кажется, что этот человек может рассказать о чем-то еще для нас неизвестном.

А в моем понимании современная литература и настоящая современная драматургия — это всегда езда в неизвестное. И здесь очень важно, кому мы доверяем, чьему уровню размышлений. И найти таких людей очень сложно. Но, тем не менее, надежды есть, как мне кажется. И я верю, что вслед за Таней Толстой и другими литераторами среднего и старшего среднего возраста вот-вот прорвется кто-то молодой. Я очень опечалился, что из молодой талантливой

Денежиной произрос странный литературный агент или менеджер. И это вместо погружения в себя и вглубь человека! Ну что делать? В пути бывают потери.

— В последние годы звезды «Табакерки» Машков, Миронов, Безруков больше связаны не со своим родным театром, а с другими проектами...

— Во-первых, я никогда ничего не требую взамен своей любви к своим ученикам. Это моя тактика. В этом моя удача, что я еще способен любить. Если же говорить про Машкова, то мне кажется, что у него ностальгия по театру прогрессирует. И думаю, вполне реально, что будет поставлено «Собачье сердце» в МХТ. Наверное, это будет сборная компания. Не удивлюсь, если главные роли в этом спектакле будут играть люди отсюда — это я про себя... Но, если серьезно, конечно же, не только про себя: А вообще я считаю, что старшие ребята должны уже брать на себя ответственность за это пространство, за те 25 лет, которые они здесь живут. Они, старшие, должны плечи подставлять и уже уметь делить ответственность. Не потому, что я уже не могу, нет, я думаю, что еще лет пять прокопечгарю. Но начать нужно.

— Какова судьба спектакля «Изображая жертву»?

— Нормальная судьба. В ближайшие дни состоится премьера. Поверьте, если бы не было боли в этом тексте, не было отчаяния от нашего пофигизма, то не стал бы, конечно, править. Другое дело, может быть, недостаточно эта боль. Наверное, если бы в моем распоряжении были артисты Евгений Евстигнеев и Олег Борисов, это могло бы быть более доказательно. Но я доволен серьезностью этой работы, хотя не все еще слажено. Они на верном пути. Кирилл Серебренников обладает способностью достучаться.

— Чем вызвано решение поставить сейчас пьесу «Воскресение. Супер»?

— Выбор принципиален. Это, по сути дела, в каком-то смысле инспирированная нами работа братьев Пресняковых. Потому что серьезнее проблемы, нежели обновление души человеческой, я не знаю. Так что жду с нетерпением спектакля.

— «Воскресение» — самый чернушный, самый страшный в нравственном изображении русской жизни текст Толстого. Это в какой-то степени показало вам созвучным сегодня?

— Не в какой-то, а в достаточной. Думаю, что пришло время все-таки осмыслить бытие наше после 90-го года. Я очень рассчитывал, что кто-то из философов доберется сюда. Хотелось, чтобы сюда добрался Сергей Аверинцев. Но жизнь есть жизнь. Мы потеряли за эти годы очень много светлых умов, людей, у которых было право не только размышлять, но и детерминировать, и диагноз ставить. Но если их нет, значит, надо своими слабыми силами пытаться всматриваться в зеркало и не пенять ни на кого, коли рожда крива. Кстати, в этом смысле для меня очень принципиальный шаг, что в МХТ будет ставиться «Живи и помни» Распутина. Очень забавна его реакция на это — тревожная и даже несколько женская: «А вот у вас там, знаете, странное все такое...» Ну я ему сказал: «Так вот приезжайте, поглядите». Я видел Нину Чусову, когда она сама играла Настену. Это было очень хорошо. Мне очень нравится этот текст. Очень! Он только по времени рассказывает о «тогда», а по душе, на мой взгляд, — о «сейчас». Я собираюсь использовать народившихся драматургов как движущую силу. Даю директиву: «Пора бы уж родиться Антону Павловичу и Алексею Максимовичу». Пора родиться людям, которые наши нравственные уродства представляли бы нам в художественной форме. Потому что все-таки под конец жизни своей примириться с ними не могу. Не могу!

Записала Марина ЗЕЛЬЦЕР